

МАРИНА СЕРОВА

СУМЕРКИ большого города

Сериял
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Сумерки большого города

«Научная книга»

2010

Серова М. С.

Сумерки большого города / М. С. Серова — «Научная книга», 2010 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

У бизнесмена Мухина украли купленную недавно на московской выставке картину художника Гончарова «Сумерки». Мотив преступления выглядит малоубедительным: из всех полотен воры предпочли самое малоценное. Мухин просит помощи у частного детектива Татьяны Ивановой. Таня выясняет, что на московской выставке картин с названием «Сумерки» было... две! И принадлежали они кисти двух разных мастеров. Продолжая расследование, Иванова начинает думать, что название «Сумерки» – какое-то мистическое: именно сумерки, фигурально выражаясь, все сильнее сгущаются вокруг этого дела, и каждый новый факт, похоже, только добавляет тумана...

© Серова М. С., 2010

© Научная книга, 2010

Марина Серова

Сумерки большого города

* * *

Я остановила машину у ворот особняка своего нового клиента. «Возможного клиента», – поправила я саму себя. Пока я слишком мало знала о сути дела, которое собирался мне предложить владелец этого богатого дома.

Звали этого человека Антоном Владимировичем Мухиным. По наспех наведенным справкам мне удалось уяснить, что в городе Тарасове он владеет двумя самыми популярными кинотеатрами. Ходили смутные слухи, что начинал он свое дело с чего-то куда более прозаического, но сам Антон Владимирович предпочитал на эту тему не распространяться. Ему, видимо, нравилось, что его новый бизнес принадлежит к сфере искусства и культуры, в отличие от прочего.

Ворота быстро распахнулись передо мной, и я въехала на территорию частного владения. Моя машина выглядела тут как-то неуместно, но бывалого детектива было не так-то просто смутить!

Надо сказать, что желание пускать пыль в глаза у этого Антона Владимировича было весьма заметно. Вчера утром – не успела я еще толком проснуться, – как раздался звонок. Звонила секретарша Мухина, невыразимо вежливо и чопорно предложившая мне встретиться с ее боссом. Честно говоря, я согласилась принять это приглашение из чистого любопытства – мне хотелось узнать, что же за «незатруднительную, но хорошо оплачиваемую работу» собирается предложить мне Антон Владимирович?

Хозяин особняка встретил свою гостью лично.

– Очень рад нашему знакомству, – без малейшего намека на радость поздоровался он, – прошу, проходите в мой рабочий кабинет, там я изложу вам суть дела.

Первое, на что я обратила внимание, оказавшись в мухинском особняке – это на его очень скупую и безыскусную обстановку. Богач, оказывается, не любил роскоши!

Зато на стенах комнаты висело множество картин. Причем, они были до такой степени абстрактными, что я не только не могла определить их сюжет, но не взялась бы даже утверждать, где у них верх, а где низ.

– Антон Владимирович, вы меня заинтриговали, – усаживаясь в предложенное кресло, начала я разговор, на всякий случай улыбнувшись. – Я не очень понимаю, в чем, собственно, дело...

– Откровенно говоря, это было сделано специально, – слишком официально улыбнулся в ответ Мухин. – Я опасался, что вы сразу же откажетесь от такого пустякового поручения. Но при личной встрече возможна надежда, что мне удастся вас убедить.

– Ну что ж, можете начинать убеждать меня!

Антон Владимирович совершенно серьезно кивнул и приступил к рассказу.

– У меня пропала кое-какая собственность, причем произошло это как-то слишком уж странным образом. А я, знаете ли, очень не люблю, когда вокруг меня происходит что-то, чего нельзя понять. Так, вдруг может оказаться, что вещи в доме находятся не на тех местах, где ты их оставил, а кончиться тем, что пропадают ключи от твоего сейфа – плюс все его содержимое... В общем, я привык обращать внимание на все детали!

– Это весьма разумно, Антон Владимирович, – кивнула я. – Но нельзя ли поближе к делу? Что именно у вас пропало и почему это событие кажется вам таким странным?

– Пропала картина, – нахмурился стареющий бизнесмен. – Я недавно купил ее вместе с другими работами этого же автора. Может быть, вы слышали о таком художнике – Михаиле Гончарове?

– К сожалению, нет. Должна вас сразу же предупредить, что я не разбираюсь в искусстве, и вам следует иметь это в виду, прежде чем посвящать меня в суть ваших проблем.

– Это не так уж важно! – отмахнулся Мухин. – Я уверен, что ваш опыт детективной деятельности компенсирует отсутствие подобных знаний.

Пока я раздумывала, что это было – комплимент или насмешка, – хозяин особняка продолжил свое повествование.

– Картины этого художника я заметил на выставке в Москве, где я был по своим делам. Его работы получили хорошие отзывы от критиков, а когда я узнал, что сам он живет и работает у нас, в Тарасове, то решил приобрести несколько его работ. Мы быстро заключили сделку, и по окончании выставки картины должны были отослать прямиком ко мне в особняк.

– Должны были отослать? – переспросила я.

– Именно так, – кивнул Мухин. – Судя по акту, составленному работниками галереи в Москве, они отправили мне все восемь приобретенных мной картин. Но когда машина прибыла в Тарасов, одной из работ художника в комплекте не доставало. Теперь вы понимаете, насколько это странно?

– Странно, что пропала только одна картина, – задумчиво произнесла я. – Вы обратились в милицию? Следствие ведется?

– Я сделал это сразу же, то есть, три дня тому назад, – недовольно поджал губы Мухин. – Пока – никаких результатов. Прежде всего, они, так же как и я, заподозрили водителя, перевозившего работы, и тут же принялись все проверять.

– Результата, как я понимаю, нет? Все же, расскажите мне обо всех подробностях, даже самых незначительных, это может помочь.

– Произошло следующее. Из Москвы картины везли на транспорте галереи и доставили их туда, куда и должны были – по договору. То есть, в мастерскую художника, предоставившего им свои работы. Туда приехал уже мой транспорт, куда и погрузили все восемь картин. По крайней мере, так утверждают сам Гончаров, водитель и грузчик. Но в мой особняк приехали уже только семь картин. Машина по дороге нигде не останавливалась. Если верить водителю, конечно.

– Что это была за машина? Кроме водителя, в ней никого больше не было? Охранника, например?

– Это была моя личная «Газель», – уточнил Мухин. – Поймите, Татьяна Александровна, мы же не Рембрандта везли! Нанимать специальный транспорт и охрану ради получасовой поездки по городу – ну, это просто глупо! К тому же, в таком варианте о перевозке знало гораздо меньше людей.

– Загадка! – я покачала головой. – Какова стоимость пропавшей картины, и вот еще что: нет ли у вас ее фотографии?

– Фотографию пропавшей картины вы можете найти в каталоге выставки или у самого художника, если возьметесь за мое дело. А ценность полотна не велика – я заплатил за него всего шестьсот долларов.

Я изумленно подняла глаза на Антона Владимировича:

– И вы нанимаете меня ради... этого?! Вы... гм... знакомы с расценками на мои услуги?

– Разумеется, – почти обиделся Мухин. – Двести долларов в сутки, если я ничего не путаю?

– Верно, – кивнула я. – Так что, если я не раскрою это дело в три дня, вы окажетесь в убытке. А гарантировать такую скорость, я, разумеется, не могу.

– Я неплохо умею считать, Татьяна Александровна, – все же обиделся бизнесмен. – И, если бы вы были чуть внимательнее, то поняли бы причину такого моего поведения.

– Да, я понимаю, что вы любите точно знать, что вокруг вас происходит, и странные, хоть и не опасные, на первый взгляд, происшествия, кажутся вам подозрительными, вы говорили об этом, я помню, – решила я продемонстрировать заказчику свои способности.

О том, что от подобной всеобъемлющей подозрительности и до паранойи не далеко, я решила не говорить. Загадка эта и правда казалась мне интересной – должна же была иметься у произошедшего какая-то тайная веская причина!

– Антон Владимирович, ваше собрание произведений живописи, насколько я могу судить, довольно велико. Представляет ли оно большой интерес для коллекционеров, а значит, и для грабителей?

– Прежде чем обсуждать эту тему, я хотел бы удостовериться, что вы беретесь за дело, – в своей обычной официальной манере перебил меня Мухин.

– Что ж, Антон Владимирович, вам удалось меня заинтересовать, – улыбнулась ему я, чувствуя, что больше не в силах поддерживать выбранный им сухой тон беседы.

– Прекрасно! – явно обрадовался Мухин. – Я на вас рассчитываю. Но вернемся к моей коллекции. Я постараюсь вам пояснить, откуда у меня вообще возникло желание собирать предметы искусства. Несколько лет тому назад я осознал, что в моем распоряжении имеется достаточное количество средств, чтобы потратить их на какую-нибудь свою безобидную прихоть. Но обычное нуворишеское расточительство меня, в силу моего возраста, совершенно не интересовало. С женой я давно развелся, дети мои выросли и разъехались, кто куда... Один из моих друзей сделал мне подарок на день рождения. Он купил на аукционе за рубежом подлинник одного знаменитого художника и преподнес его мне. Узнав о стоимости этого куска раскрашенного холста, я всерьез задумался. Познакомившись немного с вопросами купли-продажи произведений искусства, я решил, что это может стать вполне подходящим для меня хобби. На мой взгляд, это, с одной стороны, выгодное вложение средств, а с другой – солидное увлечение, приносящее коллекционеру уважение окружающих. К тому же, если быть достаточно удачливым и расчетливым, на этом можно неплохо заработать.

– То есть, ваша коллекция может представлять и некоторый коммерческий интерес? – на всякий случай, уточнила я.

– Конечно, она стоит немалых денег, но, честно говоря, я не могу себе представить, зачем бы она могла понадобиться грабителям? Воруют обычно знаменитые или старинные произведения, которые просто невозможно приобрести за деньги, так как они находятся в государственных музеях или в частных коллекциях фанатиков, не желающих ничего продавать. Я – совсем другое дело. Имея в перспективе достойную цену, я всегда готов пойти на удачную сделку.

– Что ж, в таком случае, я начну знакомиться с участниками этого дела, – бодро заявила я. – Мне понадобятся адреса и телефоны художника и водителя вашей машины.

* * *

В своей беседе с Мухиным я немного сдукавила. Начать расследование я решила с визита к своему старому приятелю, полковнику Кирьянову. Поскольку время было обеденное, мне удалось вытащить Кирю в кафе.

– Ну, и что на этот раз случилось? – с любопытством спросил он, ковыряя вилкой в салате.

– Ничего-то от тебя не скроешь! Прямо беда!

– Работа у меня такая, – хмыкнул Кирьянов. – За что ты опять взялась?

– За поиск предметов искусства, – вздохнула я. – Вот, хотела с тобой посоветоваться... Знаешь ли ты в нашем городе хорошего специалиста в этой области? Если у вас такие дела случаются, кого вы привлекаете в качестве экспертов?

– Есть один старичок, – задумчиво произнес полковник. – Милейший дедуля, великолепно реставратор, профессионал. Уже лет десять мы только к нему и обращаемся.

– Мне бы его адресок, – попросила я.

– Это запросто, – кивнул Кирьянов, – Только запомни, он малость глуховат стал в последние годы и иногда слышит совсем не то, о чем его спрашивают. Так что ори погромче.

– Разве он слуховой аппарат купить себе не может? – удивилась я. – Бедно живет?

– Вот еще! Нормально он живет, – возразил Кирия. – Просто ему так удобнее – чего он слышать не хочет, того и не слышит.

Запасшись адресом старичка, – Игоря Семеновича Райского, – я первым делом пару раз ему позвонила. Но старый реставратор трубку не брал. Это меня не смутило – возможно, он просто не слышал звонков.

Так что я отправилась напрямик к нему на квартиру, в старый пятиэтажный дом. Пройдя мимо подозрительно замолчавших при моем приближении бабушек, восседавших на лавочке, я поднялась на четвертый этаж и принялась звонить в дверь. Ответа не было. Я довольно долго стучала и звонила, но в итоге сдалась. Либо Райского не было дома, либо он «не слышал» меня.

Обдумывая, как же мне в этой ситуации до него добраться, я спустилась во дворик. Там по-прежнему сидели старушки, и я решила их порасспросить о дедушке-реставраторе – куда он мог податься из дома?

– Кто его знает, – уклончиво ответили мне бабульки. – Может, он и дома, а может, и нет... Мы тут за народом не следим.

Судя по всему, я оказалась им особой подозрительной, и на всякий случай они мне не стали «сдавать своего». Решив заехать к старичку еще раз, вечером, я отправилась по следующему адресу – к художнику Михаилу Гончарову.

Мухин посоветовал мне сначала отправиться к нему в мастерскую, поскольку застать художника именно там имеется гораздо больше шансов. По указанному адресу находился старый дом, похоже сохранившийся еще с начала прошлого века, со смешными несуразными башенками на крыше и с широкой входной аркой.

Это и был «Дом художника». Еще с советских времен члены Союза художников получали в нем бесплатные мастерские. Несмотря на то что Союза давно не существовало, традиция сохранилась. Где-то в этом здании и располагалась мастерская молодого художника Гончарова.

На фасаде здания не было видно ни одной двери. Оставалось только пройти через сумрачную арку во внутренний двор. Тут мне снова пришлось делать выбор: здание было квадратным, и слева и справа – подъезды. В какой же мне войти?

Пока я все это прикидывала, в одном из окон первого этажа показалась растрепанная женская голова.

– Кого вы ищете, девушка? – осведомилась эта любопытная женщина, перевешиваясь через подоконник. – Я тут всех знаю, могу вам помочь. А то в здешних лабиринтах и потеряться недолго...

– Буду очень вам благодарна, – улынулась я, направляясь к ее окну. – Мне нужен художник Гончаров, у него здесь мастерская.

– Тут все художники, и у всех – мастерские, – усмехнулась женщина. – Заходите в подъезд, я сейчас.

Я вошла в полутьму подъезда и подождала, пока из двери первого этажа не выскочила моя небрежно одетая новая знакомая.

– А вы по работе, или так... в гости? – направляясь куда-то по коридору, спросила любопытная женщина.

– По делу, по делу.

– Тогда держите ухо востро, а то, как начнет он вам зубы заговаривать, да еще и не заплатит!

– За что не заплатит? Кто? – не поняла я ее.

– Как – за что? – удивилась женщина. – Работа натурщика – такая же, как и все остальные, и должна хорошо оплачиваться! А то наши мужики вечно норовят на дармовщинку...

Я мысленно улыбнулась, но разубеждать свою провожатую не стала. Мы прошли по запутанным коридорам, не встретив ни души, пару раз повернули на девяносто градусов и один раз поднялись по лестнице. Наконец, она остановилась и, указывая на разноцветную дверь, сказала:

– Вот и его мастерская. Стучите погромче!

Я попрощалась с добросердечной женщиной, смутно надеясь, что потом найду дорогу обратно. Хотя, может, мне и стоило разбросать в коридоре хлебные крошки или нарисовать мелом крестики, как Мальчику-с-Пальчик.

На мой стук открыли сразу же. На пороге стоял еще совсем молодой, коротко стриженный мужчина, с аккуратной бородкой.

– Привет, прекрасная незнакомка! – радостно воскликнул он. – Именно тебя я ждал с тех пор, как впервые взял в руки кисть!

Я поспешила исправить это недоразумение:

– Добрый день. Вы – Михаил Гончаров? Я – частный детектив, зовут меня Татьяна Александровна Иванова. Меня нанял хорошо вам известный господин Мухин, для поисков пропавшей картины. В любом случае, думаю, вы ждали явно не меня.

Улыбка на физиономии художника быстро истаяла, но задорный блеск в глазах отнюдь не померк.

– Боже! Кто бы мог подумать, какими, оказываются, бывают детективы! – Гончаров весьма нескромно – и вполне профессионально – осмотрел мою фигуру со всех сторон. – Сколько же стоит вас нанять?

– Немало, – холодно отрезала я. – И я уже веду одно дело.

Пофлиртовать с симпатичным художником было бы вполне можно, не являйся он одним из главных подозреваемых. А пока – только дело!

– Кофе, чай, покрепче? – продолжил свои ухаживания Гончаров.

– Нет, спасибо. Ответьте, пожалуйста, на несколько моих вопросов.

– Разумеется, разумеется, – усаживаясь на диван и приглашая сесть меня, кивнул мне художник. – холост, точнее, разведен. Детей нет...

– Михаил! – Я, как могла, сурово взглянула на своего собеседника. – Остальные ваши картины, приобретенные Мухиным, сейчас находятся у вас?

– Нет, – сразу же поскущел Гончаров. – Они у него в особняке. Но денег, прошу заметить, он мне пока не заплатил! Хочет сначала разобраться, что случилось с «Сумерками».

– С «Сумерками»?

– Ну да. Так называется пропавшая картина. Думаю, клиент подозревает, что я сам ее припрятал! Считает, что я решил в последний момент оставить ее себе, когда мы уже сделку заключили.

– А вы ее не оставляли? – сощурилась я.

– Что за глупости?! – подскочил Гончаров. – Я бы мог себе еще одну копию написать, будь я к картине так привязан! Мне лично эта ситуация принесла одни только убытки. Зачем бы я стал сам себе проблемы создавать? Денег не заплатили, милиция в мои дела нос сует...

– Ну, хорошо. Как вы думаете, кому могла так срочно понадобиться ваша картина, чтобы он пошел на похищение?

– Не имею представления, – покачал головой художник. – Я неплохо продаюсь, но чтобы что-то мое похищать!.. Возможно, случилась какая-то ошибка...

– У вас есть каталог последней вашей выставки в Москве? Мне бы хотелось взглянуть на фото пропавшей картины.

– Пожалуйста, – Гончаров занялся раскопками на заваленном бумагами столе, а я наконец получила возможность оглядеться и составить себе полное впечатление о его мастерской.

Мастерская была большим светлым помещением, с потолками в четыре метра, заваленным повернутыми к стенам картинами и сломанными мольбертами. В одном из углов имелось все необходимое для жизни: там стояли стол, диван, несколько табуретов, старый шкаф, была даже раковина.

– Вот он, – Гончаров протянул мне дорого изданную книжку с красивыми иллюстрациями. – Там, кроме меня, еще пятеро художников участвовало. Мои работы – в самом конце.

– Можно мне его забрать? – спросила я, задумчиво листая каталог.

– Конечно. У меня есть еще экземпляры. Кстати, там можно найти все мои координаты, если что...

– Буду иметь в виду, – кивнула я. – Скажите, Михаил, когда вам привезли ваши картины из Москвы, вы все проверили, убедились, что они на месте?

– Разумеется, – устало вздохнул художник.

– Вы лично следили за тем, как их грузили в «Газель» господина Мухина?

– Да, и я еще раз пересчитал их уже в машине. Все было на месте! Я не представляю, куда она могла испариться?!

– Не волнуйтесь так, Михаил. – Я улыбнулась чуть дружелюбнее, надеясь, что это его немного успокоит.

И правда: мысли моего собеседника явно сменили направление и потекли по более приятному руслу. Он снова опустился на диван рядом со мной.

– И еще один вопрос... – начала было я.

Гончаров тихо застонал и закатил глаза.

– Ну, что еще?

– Можно взглянуть на ваши работы?

Этот вопрос с моей стороны имел некую подоплеку – в виде нескольких целей. С одной стороны, я желала увидеть воочию то, за что люди вроде Мухина платили по шестьсот долларов. А так как все картины стыдливо стояли лицом к стене, пришлось об этом попросить автора работ. С другой стороны, мне хотелось понять, как сам художник обходится со своими произведениями. Сдувает ли пылинки с рам или нет? Ну и, наконец, я намеревалась сделать что-то приятное Гончарову, поскольку он оставался вежливым до конца беседы и ответил на все мои вопросы, которые ему уже – и не раз, видимо, – задавали оперативники. Да, стоит признать и еще кое-что: художник мне понравился. Совсем чуть-чуть, но все же...

– Это может занять у вас много времени, – насмешливо прищурился Гончаров. – У меня тут больше сотни работ!

– Тогда покажите мне самые ваши любимые полотна, – немного испугавшись, поправила я.

Это была верная тактика. Гончаров вскочил и принялся рыться в залежах больших и малых холстов в поисках нужных работ, что-то бормоча себе под нос.

К моему удивлению, какие-то «не те» картины, которые, судя по всему, ему не вовремя попадались, он просто небрежно отшвыривал в сторону. А с «любимыми» полотнами Гончаров носился по мастерской, сшибая ими все углы. Нет, этот человек не мог бы даже ради своей самой любимой картины пойти на преступление! Ему и правда проще было бы новую нарисовать...

Наконец, передо мной торжественно расставили около десяти полотен разных размеров. Я задумчиво хмыкнула, вдумчиво оглядывая их. На самом деле, ничего умного и, при этом, не обидного «выдать» я бы не смогла.

Что уж там стремился в своих работах передать художник, это было совершенно не важно, так как, на мой непросвещенный взгляд, все это была полнейшая абстракция. Но, надо признать, цвета мастер использовал приятные, не раздражавшие глаз.

– А вот эту я люблю больше остальных. – Гончаров ткнул пальцем в большой тускло-сиреневый холст с желтыми и серыми пятнами. – Называется «Разлука». Это я своей бывшей жене посвятил.

Я наклонила голову, вглядываясь в правое нижнее желтое пятно, своими очертаниями похожее на толстого кота, и глубокомысленно изрекла:

– В этой картине и правда ощущается грусть.

– Вы почувствовали! – обрадовался Гончаров. – Вы очень восприимчивый к прекрасному, детектив!

Пообещав немедленно ему сообщить, если пропавшая картина найдется, и решительно отказавшись «заглядывать почаще», я покинула мастерскую Гончарова. С некоторым трудом найдя выход из лабиринта коридоров, я оказалась на улице. Уже смеркалось.

Разговор с Гончаровым почти не дал результатов, если не считать результатом его полное отсутствие. Я теперь не сомневалась, что сам художник в этом деле ни при чем.

Моя машина катила привычным маршрутом к дому, и я погрузилась в размышления.

Итак, Гончаров не был заинтересован в пропаже полотна и не кажется способным на такие «подвиги». Следует перейти к очередному фигуранту в списке подозреваемых: к водителю.

Он находился наедине с картиной как раз в то время, когда она пропала. Или он что-то утаивает, либо чего-то не заметил, что-либо упустил...

Несмотря на то что голова моя была занята этими рассуждениями, опыт позволил мне уловить, что уже в течение некоторого времени следом за мной едет темная подержанная иномарка. Совпадение или «хвост»?

На всякий случай, я оставила машину не во дворе дома, как поступаю обычно, а на ближайшей автостоянке. Нарочито долго провозившись с ключами от машины, я заметила, что подозрительная иномарка встала неподалеку, у обочины.

Это шанс – выяснить, кто за мной следит!

Продолжая своим поведением изображать абсолютную беспечность, я неторопливо направилась к дому окольным путем.

В сгустившихся сумерках ближайшие окрестности еще неплохо просматривались, и я надеялась, что мой преследователь или преследовательница легко попадутся в расставленную мной ловушку.

Я специально выбрала путь, ведущий через арку. Медленно идя вдоль дома, в котором, как я знала, арка имелась, я неожиданно свернула туда. Оказавшись на несколько мгновений вне поля зрения преследователя, я бегом бросилась через арку. Нужно было преодолеть это расстояние прежде, чем он сам повернет.

С другой стороны дома, как раз возле арки, находилась маленькая старая трансформаторная будка, за которой очень удобно было прятаться кому-нибудь не слишком крупному. Там-то я и затаилась.

Ждать мне пришлось недолго. Преследователь, неожиданно потерявший меня в тени арки, выскочил на свет и принялся озираться. Однако вертелся он слишком быстро, к тому же, на голове у него была кепка, лицо его скрывалось в тени. Мне нужно было подобраться вплотную к нему. Мужчина не казался особенно мощным – был он среднего роста и щуплого телосложения. А я вполне была уверена в своем черном поясе по карате. Я «собралась» и прыгнула.

Но мой преследователь оказался не так-то прост! Он мгновенно развернулся, одновременно отступив в тень. Я попыталась его схватить, но момент был уже упущен. Черная тень скользнула в арочный проем, и все стихло.

Еще несколько секунд я стояла, глядя вслед этому убежавшему неизвестному. Неудача эта была не только неприятной сама по себе, но и заставляла задуматься. Эту слежку я спугнула, и, значит, в следующий раз ее будут вести гораздо осторожнее.

На всякий случай, мне придется проверить – не поставили ли у меня дома какое-нибудь подслушивающее устройство?

Кто мог в первый же день моего расследования отправить за мной «хвост»? О том, что меня нанял Мухин, знало пока очень немного людей: сам бизнесмен, его секретарша, возможно, обслуга в особняке и – художник. Но живописец просто не успел бы все организовать, так как слежка началась буквально от его порога. Раздумывая над всем случившимся, я вернулась домой.

Было уже поздно, но лечь спать я пока не собиралась. Мне требовался совет моих магических костей. Я достала заветный мешочек и поудобнее устроилась за столом.

Кости упали с глухим стуком, и я увидела результат: $4+18+27$. «И все-таки все тайное рано или поздно становится явным».

Не слишком-то определенно, но ясно, что мне нельзя спешить. Ответ обязательно придет со временем. Что ж, завтра мне предстоит поговорить с реставратором Райским и с водителем. Может, они внесут в это дело некоторую ясность?

* * *

– Игорь Семенович? Пожалуйста, откройте! Ваш адрес мне подсказал полковник Кирьянов, мой давний друг. Мне нужен ваш совет.

Так я осуществила вторичный визит к старичку-реставратору. Поскольку на обычные звонки в дверь он не реагировал, я решила, что стоит попробовать именно этот способ. Конечно, теперь весь дом знал, что к Райскому пришел кто-то из милиции, но по другому поводу он, кажется, не открыл бы никому.

– Ну что вы разорались, барышня?! – возмущенно зашипели из-за двери. – Я не глухой!

Лязгнули засовы, скрипнули замки, и дверь открылась с противным скрипом. На пороге стоял сухонький старичок в странном костюме. На нем была какая-то длинная роба по колено, а поверх нее – фартук в цветочек.

– Доброе утро, Игорь Семенович! – радуясь тому, что реставратор наконец открыл дверь, широко улыбнулась я. – Меня зовут Татьяна Александровна Иванова, я – частный детектив и веду дело, связанное с похищением картины.

– Вам понадобилась моя консультация? – Надтреснутый старческий голос Райского выражал недовольство. – Так она денег стоит, между прочим! Согласны?

– Сколько вы берете? – деловито поинтересовалась я. Слава Богу – реставратор обрел слух!

– По обстоятельствам, – усмехнулся старичок, пропуская меня в квартиру. – Что конкретно вам от меня требуется?

Он провел меня мимо закрытых дверей комнаты в уютную кухоньку и усадил на табурет. Старичок слушал мои объяснения весьма внимательно и одновременно занимался завариванием душистого чая с травами. Он, даже не спрашивая моего согласия, налил чашку и мне. Чтобы не обижать реставратора, я не стала говорить, что люблю только кофе, и даже отпила несколько глотков из чашки.

– Игорь Семенович, у меня с собой есть каталог выставки в Москве, в котором имеются фото картин Гончарова. Взгляните и скажите, как вы охарактеризуете его работы? Велика ли их ценность?

– Да зачем мне ваш каталог?! – возмутился Райский. – Я Мишу Гончарова еще со времен его обучения в художественном училище помню. И что именно он рисует – об этом мне рассказывать не нужно! Не слишком большая ценность у его полотен, чтобы ради них пойти на преступление.

– Вы уверены, что у него нет каких-то ярких поклонников? Или поклонниц?

– Любители его художеств, конечно, имеются, – фыркнул реставратор. – Но они спокойно могут купить все, что пожелают.

– Тогда как можно же объяснить это похищение? У вас есть своя версия?

– Всякое бывает в этой жизни, – задумчиво ответил старичок, попивая горячий чай, и умолк.

– Игорь Семенович! – я укоризненно покачала головой. – Если у вас есть какие-либо версии, то поделитесь ими со мной. Ведь вы так хорошо знаете этот богемный мир! У вас и опыт, и знания, которых у меня в этой области никогда не будет. Наверняка за долгие годы вашей работы вы сталкивались с самыми разными случаями...

– Разумеется, сталкивался, – приосанился Райский. – Но тут все же что-то другое...

– Игорь Семенович! – я начинала терять терпение. – Значимость и стоимость вашей консультации стремительно уменьшаются. Обратный отсчет пошел!

– Вот, молодежь какая пошла нетерпеливая! – насупился старичок. – Я не ради денег милиции содействую, и вам тоже помогу. Расскажу вам об одном случае, может, он вам подскажет что-нибудь... Жил в девяностые годы в нашем городе один художник, ну, вы все равно не знаете его фамилии. Не важно! Сначала бедствовал этот творец, а потом вдруг стал на выставках разных появляться. По всей России его картины заколесили, и зажил он неплохо.

Странно только, что картины его не очень-то активно покупались, на выставки народ ходить не спешил. Откуда деньги у него взялись и зачем выставки организовывались? Но кому какое было до этого дело! Только случайно все и открылось. Во время одной из перевозок, грузчики картину его как-то неудачно уронили, и рама раскололась. Внутри обнаружился тайник с каким-то белым порошком. Вот так вот!

Я задумчиво вертела в руках почти полную чашку.

– Думаете, тут есть связь с наркобизнесом?

– Тьфу ты! – разозлился реставратор. – Я же это просто для примера рассказал! Миша бы таким делом заниматься не стал! Да и вообще, думаю, это не он, а кто-то другой воспользовался его картиной. Может, тот же Мухин! Все они, буржуи, люди не слишком честные.

– Хорошо, допустим, в раме картины спрятали что-то ценное и решили это что-то перевезти. Так зачем же картину после этого похищать? Это же глупость! Теперь она в официальном розыске, и ее никуда так просто не перевезешь!

– Вот я вам и говорю, Татьяна Александровна, что тут что-то совсем непонятное произошло.

– Может, один вор украл нечто у другого? – предположила я.

– Это уж ваше дело – разбираться в ворах, – ухмыльнулся старичок. – Я о них ничего толком не знаю.

– Ну что ж, Игорь Семенович, спасибо за консультацию, – поднимаясь, поблагодарила я старого реставратора. – Вы подсказали мне вполне рабочую версию событий. Сколько я вам должна?

– Вот-вот, и я о том же вам говорю. Совершенно непонятно, зачем ее украли, – невпопад закивал Райский. – Уходите уже? Ну-ну, молодежь вечно спешит куда-то...

Я непонимающие уставилась на старичка. Похоже, он решил снова «оглохнуть», когда речь зашла об оплате. Не хочет денег? Тогда зачем он требовал их в самом начале беседы?

– Давайте поступим так. Раз вы не говорите, сколько стоит ваша консультация, то я заплачу по своему разумению, – ища кошелек в сумке, сказала я.

Райский раздраженно засопел и ответил:

– Ну, что же это такое! Вы разве не понимаете намеков? Ничего я с вас не возьму! И не собирался даже.

Я перестала рыться в сумочке и непонимающе уставилась на собеседника:

– Зачем же вы вообще заводили разговор о деньгах?

– Тоже мне – детектив, – проворчал старичок. – Неужели не ясно? Если бы я с вами не пререкался, то наш разговор получился бы вдвое короче. А так хотя бы полчаса вы со мной проговорили. Ко мне, может, еще целый месяц никто не придет...

На это мне оставалось только грустно улыбнуться. А потом меня вдруг осенило.

– Вы знаете, я, пожалуй, и правда оплачу вашу консультацию другим образом. Когда это дело закончится, я приду к вам в гости и расскажу обо всем, что мне удастся узнать!

Райский подозрительно прищурился.

– А если ты ничего не узнаешь? Ведь такое случается? – он почему-то перешел на «ты».

– Со мной – не очень часто, – не без гордости заявила я. – Так что, ждите, и еще: купите, пожалуйста, к моему визиту кофе. Я чай не очень люблю.

– Хорошо, я понял. Не мудрить с кофе, потому что вы слишком любите чай, – совершенно серьезно кивнул Игорь Семенович, провожая меня до двери.

* * *

Прежде чем отправиться по следующему адресу, я ненадолго заглянула домой. На сей раз я не стала обращаться за советом к магическим костям, но мне требовалось хорошенько подумать.

История, рассказанная Райским, произвела на меня сильное впечатление, но увязать ее с произошедшим пока что не удавалось.

Допустим, Гончаров, Мухин или кто-то из работников московской галереи решил провезти внутри рамы картины какую-то ворованную или незаконную ценность. Это хороший мотив для похищения – в других обстоятельствах – не слишком дорогой картины. Но о том, что ценность находится в полости рамы, мог знать только: тот, кто эту вещь туда спрятал и, возможно, тот, кому ее переправляли. Зачем бы этим двум красть у самих себя?

Учитывая, что личности обеих сторон мне неизвестны, дело казалось тупиковым.

Я рассеянно перелистывала отданный мне Гончаровым каталог и размышляла об этом, когда что-то на одной из страниц привлекло мое внимание.

«Сумерки».

Я еще раз перелистала каталог и снова обнаружила картину с различными цветовыми пятнами под названием «Сумерки». Под репродукцией стояло имя художника – Георгий Ситников. Еще одни «Сумерки»?!

Я вернулась к разделу с работами Гончарова и сразу же нашла там другие «Сумерки» – сиренево-голубые пятна на сером фоне.

Я глубоко вздохнула и отложила каталог. Итак, все начинает проясняться, как и подсказали мне кости!

Значит, ошибка случилась еще в Москве. На выставке оказалось две картины с одинаковыми названиями и совершенно непонятными изображениями на них. Исполнитель перепутал, и рама «с секретом» оказалась «привязанной» к картине Гончарова. А должна она была быть на полотне Ситникова!

Нужно узнать об этом Ситникове побольше! Для добычи основных, базовых сведений вполне сойдутся телефон и Интернет. В каталоге имелся телефон галереи, куда я и решила позвонить для начала.

Вежливая девушка охотно разъяснила мне, что работы Ситникова уже не в Москве. Они отправились на Международную выставку, в Париж. Так что в ближайшее время произведения этого художника никому увидеть не удастся, но вот в конце года...

Я поблагодарила девушку и распрощалась с ней. Итак, кажется, теперь ясно, откуда ветер дует. Однако все мои предположения остаются совершенно бездоказательными. Нужно не только найти эту картину (и раму!), но и понять, как ее ухитрились украсть из фургона во время его следования к особняку бизнесмена.

Параллельно мне следует попытаться выяснить, причастен ли к этому делу художник Ситников, или у него был заказчик? Однако это казалось мне сейчас более чем непростой задачей. Я была в Тарасове, а новый подозреваемый – либо в Москве, что еще полбеды, либо в Париже. Но кое-что я смогу выспросить и у Гончарова...

Взглянув на часы, я поняла, что чуть не пропустила мной же назначенную встречу с водителем «Газели». Схватив сумку, я выскочила из дома.

За столиком летнего кафе меня поджидал толстенький лысый мужчина средних лет. Он был очень подвижен и говорлив. Так что мне оставалось только задавать нужные вопросы и вовремя останавливать словесный поток, который из его уст непрерывно изливался.

– Нет-нет-нет! После этого случая у Мухина я больше не работаю! Он так подозрительно ко мне стал относиться! Думал, видимо, что я помогал тем, кто его картину спер, – тараторил водитель. – Да на кой черт она бы мне понадобилась? Сама подумай – эту мазню и дома-то держать неприятно. А ведь пустяковая работа была, легкая! Жалко до чертиков! Ехать-то всего полчаса от художника до Мухина! Ну, правда, еще в пробке я застрял, минут на двадцать, но все равно – маршрут-то мне известен...

Я насторожилась.

– Кому еще был известен ваш маршрут и время, когда происходила перевозка? Где вы в пробке застряли?

– Ну, кому-кому? И так же понятно: Мухин знал, художник этот, я, ну, может, прислуга какая из мухинского дома...

– А в его особняке сколько человек служит?

– Да я как-то не считал... Ну, кухарка, приходящая уборщица, водитель и садовник. Четверо получается.

– Пока вы в пробке стояли, никто к машине не подходил? Или, может быть, вы сами выходили?

– Ничего подобного! – тут же разозлился водитель. – Я что же, по-вашему, оставил машину и ушел?! Не нужно мне всякое такое приписывать! Я свою работу выполнил, а как уж там вор в машину пробрался – пусть милиция разбирается!

Реакция водителя мне показалась странной. Что это он так забеспокоился? Не иначе, сделал какую-то глупость и не хочет признаваться. Боится чего-то.

– Вы уверены, что не случилось ничего необычного, пока вы стояли в пробке? – стала я на него наседавать. – Я не милиция и протоколов не веду. Мне просто нужно найти картину. Если вы что-то скрыли, то это что-то может мне помочь, а вам никак не повредит.

Водителя моя речь привела в ярость. Он вскочил и явно собрался уходить, даже не попрощавшись.

– Постойте! Скажите хотя бы, где вы стояли в пробке? В какой части города?

– На углу Старой Моровой, у супермаркета, – бросив на меня злой взгляд, буркнул водитель и быстро вышел из кафе на улицу.

Ну вот! Появилась какая-то неопределенная зацепка. Что-то случилось, пока «Газель» стояла на перекрестке, и, возможно, кто-то из жителей соседних домов видел, что именно. А уж если пробка возникла из-за аварии, там должны были оказаться любопытствующие...

Выяснить, что там произошло, представлялось мне делом непростым. Ясно, что нет никакой возможности найти тех, кто застрял в той пробке четыре дня назад. Оставалось только опросить жителей соседних домов. Возможно, какая-нибудь скучающая у окна бабушка могла заметить что-либо странное или необычное.

Один шанс на тысячу. Все равно, что искать иголку в стоге сена. Да и вообще – неприятная рутинная работа.

С такими мыслями я прибыла на угол Старой Моровой улицы. День уже перевалил за вторую половину, но у меня еще оставалось немного времени. Нужное мне место располагалось у перекрестка. Водитель сказал, что его машина простояла довольно долго напротив супермаркета.

Тут имелся только один крупный магазин, так что ошибки быть не могло. Улица была застроена старыми частными домами.

С одной стороны, это, конечно, очень хорошо: наверняка, здесь масса бабушек проживает. С другой стороны, плохо: окружай перекресток обычные многоэтажные дома, потенциальных свидетелей оказалось бы больше.

Такая работа, как правило, самая не интересная для любого детектива, неважно, частного или «государственного», то есть, для оперативного работника милиции. Обычно мне удавалось схитрить в этом отношении – воспользоваться уже проведенной подчиненными полковника Кириянова работой. Все-таки, у него трудится целый штат оперов, ведь, когда дело касается опроса большой массы свидетелей, один детектив в поле не воин.

Но на этот раз действовать мне пришлось самой и в одиночку, так как в милиции не придали значения небольшой задержке «Газели» в пути и сосредоточились на разоблачении происков художника Гончарова.

Начала я с ближайшего к перекрестку дома. Пожилые обитатели частных домов с удовольствием погружались в воспоминания, сообщали мне массу несущественных деталей о погоде, о своих детях и внуках и всяких мелких событиях текущей жизни. Однако на пробку никто особого внимания не обратил – это же обычное в городе дело. Единственное, что мне удалось точно узнать, – пробка случилась в необычное время, а значит, причиной ее послужила какая-то авария.

Наконец, один из немногих обитавших тут старичков смог припомнить, что действительно, какая-то, кажется, случилась авария в этот день. Но без серьезных последствий, и машины разъехали быстро, видимо, водители сумели как-то договориться друг с другом.

Этот опрос изрядно затянулся. Уже вечерело, и я начала подумывать, не прерваться ли мне до завтра (большинство старичков ложится спать рано), и тут позвонил мой мобильный.

– Татьяна Александровна? Как продвигается наше дело? – раздался в трубке голос Мухина.

– Добрый вечер, Антон Владимирович! – бодро отозвалась я. – Провожу опрос свидетелей. Картина начинает проясняться, но пока рано делать выводы.

– Приятно это слышать. – Голос бизнесмена и правда потеплел. – Я звоню, чтобы узнать, будете ли вы опрашивать и мою домашнюю прислугу? Мне нужно предупредить их, чтобы все заранее собрались.

– Думаю, это мне пригодится, – задумчиво протянула я. – Давайте я встречу с ними послезавтра. Никто из них не уволился с тех пор?

– Только водитель. Его очень раздражало повышенное внимание, которое мои люди проявили к нему после пропажи картины. Его вполне можно понять.

Разговаривая с ним, я перешла через дорогу и оказалась перед двухэтажным деревянным домом, рассчитанным на несколько семей. На первом этаже мне никто не открыл, зато на втором меня поджидал сюрприз.

На стук дверь открыл мальчишка лет десяти в потрепанной, выдавшей вида одежде и уставился на меня с нескрываемым любопытством.

– Привет, – поздоровалась я, заглядывая в квартиру. – Из взрослых кто-нибудь дома есть?

– Нет никого, – продолжая меня разглядывать, ответил мальчишка. – Может, мама сегодня и не придет. Так что спрашивай все у меня.

– Ты один дома? – удивилась я. – Не боишься открывать незнакомцам?

– Смотря каким, – пожал плечами мой собеседник. – Тебе – не боюсь. Зайдешь?

– Незачем, – покачала я головой. – Лучше скажи, ты видел что-нибудь необычное три дня тому назад, когда как раз напротив вашего дома образовалась пробка из-за аварии?

– Ну, вроде. А что?

Я даже не поверила в такую удачу и принялась уточнять:

– Ты не был в школе был в четырнадцать двадцать? И откуда ты за дорогой наблюдал?

– Пошли, покажу, – лаконично предложил мальчишка и, не дожидаясь моего ответа, направился вглубь квартиры.

Мне ничего другого не оставалось, как последовать за ним. Хозяева были явно не богаты – мебель старая, никакого ремонта, по стенам коридора – полки с залежами всяческого хлама.

Мы прошли мимо пустующих комнат и оказались на большой деревянной веранде, застекленной грязными окнами.

– Как тебя зовут, приятель? – догадалась я наконец спросить моего юного свидетеля.

– Саша, – буркнул он, не оборачиваясь.

– А я – Таня, – представилась я. – Частный детектив.

Саша медленно развернулся и смерил меня подозрительным взглядом.

– Прикалываешься?

– Нет. У меня даже лицензия есть.

– Ничего себе! – Мальчишка тут же оживился. – Даже не знал, что тетки детективами бывают... ну, то есть, женщины. А ты убийства расследуешь? – с надеждой в голосе спросил Саша.

– Нет, сейчас я веду дело об одной краже, но зато – очень таинственной. – Я не удержалась от улыбки.

– Это не так интересно, как убийство, но тоже сойдет, – деловито кивнул Саша. – Вот отсюда я и видел эту самую пробку.

Я подошла поближе и выглянула в окно веранды. Это был второй этаж, и перекресток хорошо просматривался. Виднелись даже некоторые боковые проулки. Наблюдательный пункт у мальчишки был что надо, оставалось надеяться, что он хорошо все запомнил и ему не взбредет в голову присочинить что-нибудь для красного словца.

– Меня интересует белая «Газель», она должна была простоять на перекрестке около двадцати минут. Ты такую машину не заметил?

– Заметил, конечно, – улыбнулся Саша. – А вы не картину, случайно, ищите?

Я подозрительно уставилась на мальчика. Похоже, он действительно что-то знал!

– Рассказывай, что тут происходило! – скомандовала я.

– Пробка была, – продолжал ухмыляться Саша. – «Газель» эта во-о-он там остановилась, как раз напротив второго проулка.

Я проследила за направлением, куда указывал его палец – грунтовая дорога уходила в лабиринт между частными домиками.

– Как раз перед этой «Газелью» какой-то мужик на серой «девятке» помял бампер иномарке, ехавшей впереди. Водители вышли и громко ругались. Даже мне были слышны голоса. Вот я и подошел глянуть, что там происходит.

– Откуда ты знаешь про картину? – задала я главный вопрос.

– Сейчас расскажу. – Саша был страшно доволен, что его слова для мне так важны. – Водитель «девятки» ругался громче всех. Водитель «Газели», кажется, попробовал его успокоить или, наоборот, сказал ему что-то неприятное, и тот, из «девятки», на него прямо набросился! Так что они скоро уже все втроем ругались.

– Он что же, вышел из «Газели»? – Я всплеснула руками.

– Ага. Они вот там как раз и стояли и кричали друг на друга, – кивнул Саша и вновь ткнул пальцем в сторону магазина.

– Прекрасно, – пробурчала я. – А дальше?

– Дальше к «Газели» подошел какой-то человек, открыл кузов и вытащил оттуда картину. Небольшую такую, завернутую в какую-то упаковку, так что я ее не видел. Просто похоже, что это была картина. Когда эти трое наругались всласть, то расселись по машинам и разъехались, пробка уже подрастала к тому времени.

– А куда же делся тот тип, который картину вытащил? И что, никто вообще ничего не заметил?

– Ушел этот мужик с картиной как раз в тот проулок, – ответил Саша. – А заметили это, я думаю, все. Только они заняты были тем, как бы им из пробки выбраться... Просто мужик этот кузов ключом открыл, спокойно так! Никто и не подумал, что это был вор.

– Как он выглядел?

– Далеко слишком – лица я на таком расстоянии не увидел. Но сам он был такой... – Саша задумался ненадолго, а потом показал «в натуре».

Мальчишка надул щеки, расставил пошире ноги и изобразил мужчину, несомненно, крепкого и сильного.

– Понятно, – хмыкнула я. – Он высокий был или нет? Во что он был одет?

– Не знаю, обычный он был, – наморщил лоб Саша. – И одет тоже обычно, как все.

– Что ж, спасибо за помощь. Никуда не уходи, я сейчас вернусь!

Я выбралась из старого двухэтажно дома и перешла через дорогу, где несколько дней тому назад совершилась эта нахальная кража. Вошла в супермаркет, возле которого, должно быть, стоял тогда увлеченный руганью водитель. Там я провела немного времени и вышла с большим пакетом, полным всяких сладостей и фруктов. Этот пакет, вернувшись в дом, я с улыбкой вручила моему неожиданному помощнику.

Честно говоря, я просто не знала, что еще могу для него сделать. Судя по всему, Саша не был избалован излишним вниманием со стороны родителей, и мой подарок мог скрасить ему одинокий вечер. Но его реакция меня удивила.

– Ты что?! Что я скажу маме? Я же не съем это все сразу, значит, придется объяснять, откуда я все это взяла...

– Ну и что тут такого? – удивилась я и протянула мальчишке свою визитку. – Покажешь маме вот это, если она тебе не поверит, пусть позвонит по этому телефону. Я ей разьясню, какую пользу принес мне твой рассказ.

Саша недоверчиво повертел в руках визитку и спрятал ее в карман. На этом мы с ним и распрощались.

На улице уже темнело, и, по-хорошему, нужно было отложить дальнейшее расследование на завтра, но меня снедал охотничий азарт. Я свернула в тот переулок, куда, по его словам, унес картину неизвестный вор.

Я даже не могла бы точно сказать, что именно надеялась тут обнаружить. Может быть, просто хотела проследить путь грабителя или найти какие-то следы. Но меня ждал неожиданный сюрприз.

Узкая грунтовая дорога проходила между двумя рядами низеньких домиков, большинство из которых скрывались за высокими заборами и зарослями плодовых деревьев. Из-за некоторых заграждений на меня начинали яростно лаять невидимые собаки, и я спешила дальше. Тот, кто пронес по этому пути украденную картину, должно быть, знал дорогу и то место, куда она его вывела бы. Пока что поворотов и развилок мне не встретилось.

За все то время, которое я провела на этой захолустной улочке, мне не попался на пути ни один прохожий. Нечего сказать – удачное местечко для всяких тайных делишек! На обочине этой, с позволения сказать, «дороги» я время от времени замечала какие-то выброшенные местными жителями вещи. То старый холодильник, то заржавевший корпус «Запорожца», то прочие подобные железяки.

И вдруг мой взгляд зацепился за уже смутно видимую в сумраке кучу, как мне показалось, досок. Но стоило мне подойти к куче поближе, как стало ясно, что это отнюдь не доски.

В этот момент я даже не поняла, что именно заставило меня шагнуть вперед, наверное, инстинкт.

Это были остатки дорогой, черной с серебром рамы, разломанной на несколько частей. Подняв один из обломков, я почувствовала, что за ним что-то тянется. Я подхватила это «что-то», и мои пальцы коснулись холста. Картину тоже выбросили – так же, как и раму!

Кое-как свернув холст, я вытащила мобильник и в слабом свете его экранчика попыталась изучить остатки рамы. Она была разломана по углам, и, насколько мне было видно, никакого полого пространства внутри нее не имелось.

Я постучала костяшками пальцев по дереву – да, ничего указывающего на наличие полостей. На всякий случай забрав обломки рамы – для последующего их изучения у себя дома – я направилась дальше. Странно, наверное, я смотрелась со своим необычным грузом, но мне по-прежнему никто не встретился, и через несколько минут я вышла на другую улицу, заасфальтированную и людную.

Хорошенько изучить находку мне удалось только дома, но и то, не сразу по возвращении.

Я открыла дверь в квартиру и тут же почувствовала, что что-то не так. Поначалу я даже не поняла, что именно. Просто сработал богатый детективный опыт, накопленный мною за последние годы.

Я осторожно перехватила сумку, так, чтобы в случае необходимости, можно было ею кого-либо ударить или отбить чужой удар. Несколько мгновений я просто ждала, прислушиваясь к звукам в собственной квартире.

Ничего интересного не происходило – в кухне сдержанно ворчат трубы, где-то за окном кричат дети, а у соседей по-прежнему воет несчастный пес. Похоже, кто бы у меня ни побывал, он уже ушел. Я наконец успокоилась и включила свет.

Хорошо, что мои «гости» никакого киношного кавардака с выворачиванием содержимого шкафов и разбрасыванием по углам предметов мебелировки мне не устроили. Но это, в свою очередь, означало, что влезший ко мне визитер очень хотел остаться незамеченным. Раз так, значит, он не столько искал у меня что-то, сколько старался тайком от меня установить в квартире какие-либо подслушивающие устройства.

Однако проделать это незаметно в доме хорошего частного детектива сложновато! А у меня имеются веские основания причислить себя именно к хорошим детективам. Некоторые ошибки моих непрошенных гостей я заметила сразу.

Во-первых, провод от домашнего телефона сейчас они перекинули слева от аппарата, а не справа, – как обычно делаю я, чтобы не спотыкаться о него, вставая с кресла.

Во-вторых, брошенные на стул вещи, которые утром я решила не надевать, лежали не в том порядке, в каком я их оставила.

И самое главное – мешочек с гадальными костями небрежно лежал на полке завязками вниз. Я бы его так никогда не бросила!

Окончательно уверившись, что в доме моем кто-то побывал, я внимательно проверила все окна и дверь. Все было закрыто, как и положено. Значит, с ними поработал мастер, умеющий на высоком уровне пользоваться отмычками.

А еще при этом он должен уметь устанавливать «жучки»! Кто-то хочет узнавать все мои новости из первых рук? Интересно!

Мухин, на мой взгляд, оставался вне подозрений, так же, как и художник. Какая-то другая и пока не известная мне заинтересованная сторона? Тот, кто пытался за мной вчера проследить на старой иномарке? Может, мой звонок в московскую галерею кого-то спугнул? Множество вопросов – и слишком мало ответов.

Я решила поиграть в игру с неизвестным противником и временно не стала ковыряться в телефоне в поисках «жучка». Просто пока что я воздержусь от важных разговоров по домашнему телефону.

Со всеми этими событиями я чуть не забыла о своей недавней находке.

Я развернула холст на полу в комнате и сравнила с репродукцией в каталоге. Нет никаких сомнений – это и есть «Сумерки» Гончарова! Я опустилась в кресло, задумчиво рассматривая картину. Формально мою работу на этом можно считать законченной. Картина найдена. Способ ее похищения мне известен. Но – оставалась масса вопросов.

Такое изящное предположение – о тайнике в полостях рамы картины – никак не подтвердилось. Я очень внимательно изучила остатки рамы еще раз. Даже распилила ее кусочек, желая окончательно убедиться в том, что рама не полая внутри. Все было тщетно: рама – самая обычная, разве что очень красивая, а значит, версия о тайнике отпадает.

Завтра мне предстоит вернуть картину владельцу и отчитаться в проделанной работе, но стройная версия произошедшего у меня никак не выстраивалась. Меня занимал прежний вопрос: зачем вообще похитили эту картину? К тому же, теперь я знала, что почти сразу после похищения полотно бросили прямо на улице.

Я несколько раз подряд перебрала в уме все имеющиеся факты и, не придумав ничего, хотя бы отчасти правдоподобного, решила, что утро вечера мудренее. Безнадежно вздохнув, я направилась в ванную.

* * *

Следующим утром я отправилась с визитом в поместье моего работодателя – господина Мухина.

Я прошествовала через гостиную, где уже собрался весь обслуживающий персонал, взирая на меня, как на врага народа. Ничего, у меня еще будет шанс узнать, чем я им так не угодила!

Мухин ждал меня в своем кабинете.

– Татьяна Александровна, я, конечно, дождался вашего прихода, как вы и просили, но впредь я прошу вас не отрывать меня от дел без должного повода, – посчитал нужным выразить мне свою позицию бизнесмен.

Я, молча и, надеюсь, даже торжественно, поставила на его стол купленный сегодня по случаю тубус и, пожав плечами, произнесла:

– Мне казалось, что вам будет приятно лично получить обратно вашу пропавшую собственность...

– Это она?! – Мухин мгновенно позабыл о своем недавнем недовольстве. Впрочем, извиниться передо мной он все же не счел нужным. – Как? Когда вы успели?!

Антон Владимирович бросился к тубусу и торопливо вытащил из него свернутый кусок холста. Небольшую картину он развернул прямо на своем рабочем столе.

– Да, это она, – констатировал Мухин, успокоившись. – Всего за два дня работы вы смогли ее отыскать! Татьяна Александровна, поверьте, я редко это говорю, но я поражен! Надеюсь, вы мне поведаете подробности?

Я не стала напоминать клиенту о том, что минуту назад он был весь во власти «важных дел», а теперь даже не стал звонить на работу и сообщать о том, что он задержится. В конце концов, он – мой клиент, платит деньги, значит, он всегда прав.

Я устроилась в мягком кресле для посетителей и приступила к изложению сути произошедшего. Мухин ни разу меня не перебил и был очень внимателен. В конце рассказа я взглянула прямо в глаза собеседнику и спросила:

– Антон Владимирович, картину я нашла, и, по сути, дело окончено. Но если вам хочется знать, что же случилось на самом деле, я могу продолжить расследование.

– Разумеется, продолжайте! – заявил Мухин. – Мне необходимо знать, кто из моих работников – по глупости или по злему умыслу – предоставил посторонним доступ к ключам от моей машины! Не менее интересно и то, что именно спрятали или пытались спрятать в моей картине... то есть, в ее раме.

Я кивнула.

Антон Владимирович постучал костяшками пальцев по крышке стола и продолжил:

– Так получилось, что я поддерживаю добрые отношения с хозяйкой московской галереи, где выставлялся Гончаров. Я мог бы поговорить с ней в вашем присутствии. Возможно, ее ответы чем-то помогут...

– Есть смысл попробовать, – вновь кивнула я, и Мухин потянулся к телефону.

У меня не могло быть возражений: чем больше продлится расследование, тем выше окажется мой гонорар.

– Анна Васильевна! Доброго вам дня! – начал разговор Мухин. Я услышала по громкой связи, как ему отвечает приятный немолодой женский голос. Это была не та женщина, с которой беседовала я, но тоже очень вежливая.

– ...Да, Антон Владимирович, у нас нет штатного реставратора, который бы занимался оформлением работ на постоянной основе. Нам не так уж часто требуются подобные услуги, и если что, мы нанимаем знакомых нам людей. Как правило, это одни и те же реставраторы... Нет, я уже не помню, кого мы привлекали для выставки, в которой участвовал Гончаров, но это легко выяснить. Там было мало работы – все картины в хорошем состоянии... Работы Ситникова? Да, они пользуются определенным спросом, но то, что у нас выставлялось, его собственность. Самого Ситникова тогда в Москве не было, он улаживал какие-то дела во Франции и приехал только к закрытию экспозиции... Да, сейчас он вновь уехал, во Франции проходит его выставка.

Мухин распрощался с Анной Васильевной, взяв с нее обещание узнать, какой именно реставратор занимался оформлением картин на злополучной московской выставке. Повесив трубку, Антон Владимирович повернулся ко мне:

– Ну, что скажете? Есть шанс что-нибудь понять во всем этом?

Кажется, после неожиданного обретения украденной у него картины Мухин начал испытывать ко мне нечто вроде уважения.

– Если найдется человек, занимавшийся картиной Гончарова в Москве, то мы узнаем, что и как пытались перевозить, используя полотно под название «Сумерки». Но вот заказчика этой работы без привлечения к делу самого Ситникова мы не найдем. А он сейчас в Париже и вряд ли поспешит приехать на родину в ближайшее время, – сказала я.

– Кто же пытался организовать слежку за вами, в таком случае? – спросил Мухин.

– Ситников, допустим, мог кого-то нанять еще до своего отъезда, да и сам он может оказаться только посредником, а настоящие наши противники – совсем другие люди.

После этих моих слов Мухин ненадолго задумался, но быстро вернулся к действительности и напомнил мне, что его работники все еще ожидают в гостиной.

Теперь мне предстояло нелегкое дело – поговорить с предполагаемыми свидетелями. В сопровождении хозяина дома я вышла к собравшимся в гостиной слугам. Места здесь было более чем достаточно, но беседовать со свидетелями всегда лучше наедине, значит, мне потребуется еще одна свободная комната.

– Хочу представить вам Татьяну Александровну, опытного частного детектива, – обратился к присутствующим Мухин. – Прошу вас честно ответить на вопросы, которые она вам задаст. Это в ваших же интересах, если вы намерены и в дальнейшем работать у меня!

Со слов хозяина, я уже была заочно знакома с этими четырьмя людьми, и потому сразу перешла к делу.

В небольшой комнате, соседствующей с гостиной, хозяин дома выделил для меня пару кресел и лично вызвал для опроса водителя Игоря.

– Я-то вам зачем? – плюхаясь в кресло, осведомился он. – Меня же наняли на работу уже после того, как эту картинку сперли!

– Возможно, с вашей помощью мне удастся уточнить некоторые детали, – уклончиво ответила я. – Устраиваться на работу сюда вас привел ваш предшественник? Вы давно с ним знакомы?

Этот простой вопрос вызвал у Игоря неожиданно бурную реакцию. Он разразился целой речью на тему того, как бессмысленны мои вопросы, а я сама – существо крайне глупое, если рассчитываю таким способом что-то узнать.

– Ты не слишком дорожишь своей работой, – задумчиво протянула я, намеренно обратившись к нему на «ты», когда мне надоело слушать его возмущенную тираду. – Я могу легко тебя от нее избавить!

Игорь мрачно уставился на меня. Выглядело это довольно-таки смешно, поэтому мне было непросто оставаться спокойной, когда он старательно прожигал меня взглядом.

– Ладно, черт с тобой, – наконец буркнул водитель, тоже перейдя на «ты». – Что тебе от меня нужно?

– Рассказывал ли тебе твой предшественник о своей злополучной поездке, когда у твоего хозяина пропала картина?

– Он говорил, что и понятия не имеет о том, как все это произошло. Он к этому отношения не имеет! Зачем ему картина?

– А о пробке на дороге в тот день он ничего не говорил?

Взгляд Игоря на мгновение стал удивленным, и, чуть помедлив, он ответил:

– Нет. Впервые слышу.

– Вот как? – мне показалось, что паузу он сделал не случайно. – Ну что ж, тогда позови сюда Леонида Евгеньевича, и можешь возвращаться к работе.

– Это Леньку, что ли? – хмыкнул водитель. – Ну-ну, уж он-то вам понарасскажет...

И, криво улыбаясь, Игорь скрылся за дверью.

В комнату вошел сидящий мужчина в вытертых, но чистых брюках и осторожно опустился в предложенное кресло. Мы чинно поздоровались, и я задала свой самый животрепещущий вопрос:

– Где и как хранятся ключи от всех здешних построек и от машин вашего хозяина?

– Ключи от всех внутренних помещений имеются в кабинете у Антона Владимировича. Туда никому доступа нет, кроме него самого. Если он дома, то почти все свое время там и проводит, а если он уезжает, то весь второй этаж под сигнализацией остается.

– Кто постоянно живет в доме?

– Только двое: я и кухарка Ирина. Я возвращаюсь к себе домой только на выходные, да и то, не всегда. А Ирина уезжает к родителям. Это бывает редко, но надолго.

– Есть ли у вас дубликаты всех ключей на случай потери?

– Конечно, есть! Они у меня в сторожке.

– Где?! – не поверила я своим ушам.

– В саду есть небольшой домик для хозяйственных нужд, – пояснил сторож. – Чему вы так удивляетесь? Он запирается не хуже самого дома и тоже стоит под сигнализацией.

– Там и от машин Мухина ключи имеются? – упавшим голосом спросила я.

– Ага. Все на месте. Я после этой пропажи все проверил – все на месте и было!

Я вздохнула.

– И вы всегда держите эту вашу сторожку закрытой на замок? Ведь кто угодно может через забор перелезть и взять, что пожелает...

– Она бывает открыта, только когда я сам прихожу что-то оттуда взять, а перед тем, как уйти, всегда ее запираю. И к тому же, если бы что-то пропало, я бы сразу же заметил!

Я лишь кивнула в ответ, решив отложить следственный эксперимент, который я уже придумала, до того момента, как я закончу со всеми остальными свидетелями.

– Кого-нибудь постороннего в округе вы в последнее время замечали?

– Да вроде нет. Только один раз видел я какого-то странного мужика... издали.

– Что в нем было странного?

– Шел он по проселочной дороге один, без машины. А одет был дорого, не для прогулки на природе.

– Спасибо, Леонид Евгеньевич. Позовите Ирину, пожалуйста.

Кухарка у Мухина оказалась совсем не такой, какими обычно люди представляют себе женщин этой профессии. Молоденькая, не слишком симпатичная, испуганная девушка, но зато явно с добрым сердцем и хорошим характером. Разговор с ней получился куда более приятным и спокойным.

У Ирины я выяснила, что на такую «удаленную» работу она согласилась потому, что сама родом из районного центра. Здесь ей не приходилось тратить часть зарплаты на съем квартиры. Жить тут ей было, конечно, скучновато, но и в городе особо близких друзей у нее не было, они остались в ее родном райцентре. Туда-то она и направляется, когда нет работы и хозяин уезжает в отпуск или по делам. О ключах она рассказала то же самое, что и сторож. Моя последняя надежда теперь была на уборщицу.

Она оказалась просто кладезью всяческих сведений. Я даже вопросы ей не успевала задавать, так много ей хотелось мне поведать.

Сначала я узнала, что все мои предыдущие собеседники считают меня дилетанткой, выкачивающей деньги из их хозяина. Но сама Тамара Ивановна многое на своем веку повидала и вовсе так не думает. Поэтому она мне все-все расскажет, как на духу.

Водитель Игорь, по ее мнению, – просто раздолбай, совершенно случайно и незаслуженно получивший такую прекрасную работу. Даже если бы у него под носом обворовывали их хозяина, Игорь ничего не заметил бы.

Сторож, конечно, более надежный человек, но уж больно он медлительный, нерасторопный. Конечно, а каким ему еще быть, с его-то работой? Он разведен, но часто навещает своих детей по выходным. Обязанности свои он исполняет педантично, но при этом может запросто не заметить, что соседи, например, забор перекрасили.

Когда же речь зашла об Ирине, моя собеседница заговорщически мне подмигнула и сообщила, что у девушки есть ухажер. Причем, он живет где-то в городе и изредка навещается к ней прямо сюда.

– Она мне ничего не сказала, – озадаченно пробормотала я.

– Ну конечно! Станет она говорить! Из-за этого ее вполне могут выгнать с работы!

Я понимающе закивала и спросила:

– А как он выглядел?

– Не могу точно описать, я издалека его видела! – сокрушенно вздохнула Тамара Ивановна. – Хорошо одет, наверняка, он на машине добирался. Да, и приходил он, разумеется, когда хозяина дома не было. Я-то два раза в неделю прихожу – всегда... – и вот как-то застала ее голубка...

Выспрашивать у Ирины об ее ухажере я не стала. У меня было еще одно дело, которое требовалось осуществить на глазах у Мухина. Когда мы все вновь оказались в гостиной, я попросила проводить меня к сторожке, где хранился набор запасных ключей.

Строение пряталось в глубине сада, заметить его с улицы было вообще невозможно. Маленькая будочка с различным садовым инвентарем была заперта, и никаких следов взлома я не обнаружила. Сторож Леонид быстро открыл замысловатый замок, и мы оказались внутри.

Металлическая коробка с ключами, тщательно рассортированными и содержащимися в полном порядке, стояла на дальней полке. Сторож торжественно открыл ее и жестом фокусника продемонстрировал всем, что ключи на месте. Все ячейки были заняты.

– Какой из них от «Газели», в которой перевозили картины? – поинтересовалась я.

– Вот этот, – уверенно указал на нужный ключ Леонид.

Я увидела, что под гнездом для ключа приклеена бумажка с записанным на ней номером машины. Я потянулась за ключом, обратившись к Мухину:

– Сейчас эта машина в гараже? Я могу попробовать ее завести?

– Разумеется, – непонимающе нахмурился хозяин.

Вся толпа свидетелей – теперь уже заинтересованно и без каких-либо призывов с моей стороны – двинулась к гаражу.

Там стояла белая «Газель», к которой я и направилась. Как я и ожидала, ключ, найденный в сторожке, не подходил к дверце «Газели». Попросту говоря, это был совсем не тот ключ! И когда на самом деле пропал настоящий, теперь уже не узнаешь.

Впечатленный моей «демонстрацией», Мухин напряженно молчал. Игорь невнятно выругался, Ирина издала какой-то невнятный всхлип. Похоже, нечистая совесть все же не давала ей покоя. А сейчас она впервые заподозрила, что ее поведение могло дать преступнику возможность осуществить свой план. Я не стала наседать на нее при всех, но решила проработать вариант с ее кавалером попозже.

После моего эксперимента в гараже все вернулись в дом с мрачными физиономиями. Хозяин был страшно недоволен, и слуги понимали, что им крепко достанется. Напряженную атмосферу неожиданно разрушил чей-то жизнерадостный голос:

– Так, значит, «Сумерки» нашлись?

Я удивленно оглянулась и обнаружила расположившегося на диване в гостиной художника Гончарова.

– Я позвал Михаила, чтобы он посмотрел на свою картину и решил, не причинили ли ей каких-либо повреждений, – поспешно пояснил Мухин.

– Это очень хорошо, – улыбнулась я. – Я как раз собиралась задать ему несколько новых вопросов.

– Татьяна! – обрадовался моему присутствию художник. – Я всегда рад вам помочь.

Мухин отпустил своих людей и провел Гончарова и меня в свой кабинет.

– Это она, – заявил Михаил, осматривая холст. – Никаких серьезных повреждений. Кое-где краска облупилась, но, по-моему, это только придает ей шарм. Конечно, если вам хочется, я могу убрать эти недостатки.

– Пожалуй, не стоит. Теперь у этой картины самая богатая история из всего собрания моей коллекции, – отозвался хозяин дома.

Он вкратце рассказал художнику, каким образом мне удалось найти его картину, тот слушал с неподдельным вниманием.

– Вы считали, что в раме мог находиться тайник? – удивленно переспросил Михаил у меня, когда Мухин закончил свой рассказ. – Вы ее тоже нашли там, прямо на улице?

– Да. И рама оказалась самой обычной, без каких-либо секретов, – вынуждена была признать я. – Видимо, похитители не захотели возиться с громоздкой картиной и тут же ее распотрошили.

– А задник вы тоже нашли? – прищурился Михаил.

– Что такое задник? – переспросила я.

– Ну, это кусок картона или пластика, закрывающий картину с изнаночной стороны. Если они ее прямо на улице распотрошили, как вы выразились, то и его должны были там же бросить.

– Ничего похожего я не заметила, – нахмурилась я. – У всех ваших картин есть задники?

– В том-то и дело, что у моих – нет!, – торжествующе улыбнулся художник. – Но в Москве они сами поставили мне задники на все работы, чтобы мои полотна соответствовали их выставочным стандартам.

– Думаете, тайник устроили не в полостях рамы, а за этим задником? – задумалась я. – Что же там можно спрятать?

– Другую картину, разумеется, – проворчал внимательно слушавший нас Мухин.

– Другую?! – беспомощно переспросил Гончаров. – О боже!

– Это должно было быть нечто весьма ценное и интересное для зарубежных покупателей, – продолжил свои рассуждения Мухин – совершенно спокойным тоном. – Вы, случайно, не в курсе, Михаил, в последнее время не случалось ли похищений чьих-либо знаменитых картин в нашей стране?

– Я... ничего такого не припоминаю, – хмурясь, пробормотал художник. – Кажется, за последний год я вообще не слышал никаких историй о крупных кражах произведений искусства в России.

– Значит, это какая-то картина, уже достаточно долгое время существующая на «нелегальном положении», если можно так выразиться, – подытожила я. – Я имею в виду, что ее похитили уже достаточно давно и хранили у какого-то подпольного коллекционера. И вот теперь он или его потомки решили сбыть свое добро с рук. Но по какой-то причине легальным способом это оказалось невозможно проделать.

– Значит, так, – решительно начал Гончаров. – Если я все правильно понял, кто-то, нам неизвестный, решил вывезти из страны некий забытый шедевр. И для этого сему предприимчивому гражданину понадобилось спрятать эту картину в моей работе... Вернее, не в моей, а в полотне Ситникова. Но произошла роковая ошибка, и таким путем обе картины попали в Тарасов. Здесь оба полотна, а вернее, этот неизвестный нам шедевр неизвестные попытались вернуть, выкрав полотно «Сумерки» из машины господина Мухина...

– Все верно, – глубокомысленно кивнул Мухин. – И мне очень хотелось бы знать, где сейчас находится этот шедевр? В Тарасове ли он, в Москве ли, или он уже на пути в Париж? Татьяна Александровна, я надеюсь, вы проясните подробности всего случившегося.

– Я займусь этим сразу же, как только покину ваши владения, Антон Владимирович, – вежливо улыбнулась я. – Здесь я уже выяснила все, что мне требовалось.

Мы распрощались гораздо теплее, нежели здоровались утром, и я отправилась домой – поразмышлять о том, как мне выстроить дальнейшую линию расследования. И сами обстоятельства, и цели моей деятельности несколько изменились...

* * *

Телефон подпрыгивал на столе от нетерпения, настойчиво призывая меня ответить на звонок. Выбравшись из постели, я схватила мобильный:

– Аллю?

– Татьяна Александровна? – раздался у меня в самом ухе бодрый голос Мухина. – У меня есть для вас новости! Надеюсь, они помогут в вашем расследовании.

– Что-то случилось? – встревожилась я.

– Нет. Ничего. Сегодня утром позвонила Анна Васильевна, хозяйка московской галереи. Она узнала имя человека, работавшего с оформлением картин на выставке. Но это не все!

– Она еще что-то узнала? – Мое удивление нарастало.

– Да. Очень интересные детали, – в голосе моего работодателя чувствовалось непонятное мне пока торжество. – Все это проливает совершенно новый свет на все произошедшее!

– Я слушаю, – нетерпеливо подтолкнула я его к дальнейшему рассказу.

– Во-первых, этот человек – не реставратор, он просто неудавшийся художник. Он зарабатывает себе на жизнь подсобным трудом, поскольку его собственные картины не продаются. Во-вторых, он родом из нашего города и переехал в Москву всего несколько лет тому назад. Так как он учился в местном художественном училище, то его может знать Михаил Гончаров. Ну и в-третьих, Анна Васильевна поведала мне, что ее менеджер по кадрам, нанявший этого художника-неудачника, уже не первым рассказал ей о нем. Вчера поздно вечером ей позвонили якобы из кадрового агентства и расспрашивали об этом самом человеке! Подозрительное совпадение, не правда ли?

– Ваши сведения многое меняют, – ответила я. – Очень многое! Мне нужно срочно поговорить с Гончаровым. Вы уже сообщили ему эти новости?

– Конечно нет, – с нотками обиды в голосе ответил Мухин. – Первым делом я позвонил вам! Принимайте решение – на ваше собственное усмотрение – о чем и как ему следует сказать. Нашего вероятного мошенника и вора зовут Кирилл Крапивин.

– Благодарю вас, – церемонно ответила я. – Как вы думаете, будет не слишком рано, если я появлюсь у Гончарова через час?

– Думаю, вы для него окажетесь всегда вовремя, – хмыкнул Мухин и положил трубку.

Что ж, у меня тоже имелось подобное подозрение, но я все же отложила разговор с художником еще на час, за который успела окончательно проснуться, привести себя в порядок и подумать о том, как мне вести себя с Гончаровым.

Как я и предполагала, художник очень обрадовался моему появлению, но, услышав новости, сообщенные мне Мухиным, он перестал так широко улыбаться. Предстоявшая беседа, судя по всему, его не вдохновляла – совершенно.

– Догадываюсь, что вы надеетесь расспросить у меня об этом Крапивине, – пропуская меня в свою мастерскую, пробормотал Михаил. – Вынужден вас разочаровать – его самого я лично не знал. Он учился в училище за несколько лет до моего поступления туда. Кажется, он старше меня лет на пять. Но я о нем слышал.

– Что-то интересное, особенное?

– Ну, не знаю, как это поможет нашему делу... – засомневался он. – Так что лучше я просто расскажу по порядку все, что помню. А вы сами решите, принесет ли вам пользу эта информация.

– Хорошо, – кивнула я, усаживаясь на уже знакомый диван.

– Итак, сам я не знаком с этим человеком, так что все, о чем я расскажу, я слышал с чужих слов, а значит, это может быть неправдой. Когда я еще учился на отделении живописи, один из моих хороших знакомых, старше меня на пару лет, обучался там же и часто мне рассказывал о

Крапивине. Насколько я помню, этого человека всегда отличала тяга к различным авантюрам. Я имею в виду, что эта его склонность казалась выдающейся даже для той среды, в которой мы все тогда вращались.

– Вы можете сообщить мне что-то более определенное, конкретное? Что-то вам запомнилось почему-либо?

– Помню, что как-то раз мой приятель очень взволнованно рассказывал, что Крапивин пропал. Его нигде не могли найти в течение недели, но потом он объявился как ни в чем не бывало и травил байки о том, как он сел не на ту электричку, возвращаясь с дачи. Эта электричка привезла его в какой-то районный поселок, где он и провел целую неделю, гостя у разных местных жителей. Просто так, из любопытства.

– Михаил, вы сможете через этого своего знакомого узнать координаты Крапивина?

Художник вздохнул, но ответил положительно:

– Попробую. Много лет с тех пор прошло, так что гарантировать ничего нельзя... А разве Анна Васильевна не узнала его адрес или телефон? В их кадровой службе должны были остаться какие-то сведения о Крапивине.

– Да, я спросила об этом у Мухина, – кивнула я. – Но эти данные уже устарели. Телефон его не отвечает, а квартиру по тому адресу давно снимают другие люди. Крапивин покинул свое место жительства, и где он сейчас, доподлинно об этом никому не известно. Судя по всему, он испугался, что претензии за случившуюся с картинами ошибку предъявят именно ему. Если, конечно, это вообще была ошибка...

– В каком смысле? – нахмурился мой собеседник. – Вы хотите сказать, что план неизвестных лиц заключался именно в том, чтобы переправить картину в Тарасов? Но это же чушь!

– Я пока ничего не хочу сказать, – с нажимом ответила я. – Как только я определюсь с этим делом, вы обо всем узнаете первым. А пока что назовите мне адрес этого вашего старого приятеля. Я наведаюсь к нему в гости.

– Советую вам взять меня с собой, – немного обиженно сказал художник. – Мой друг вряд ли захочет общаться с частным сыщиком! Тем более, рассказывать детективу о своих старых знакомых. Мое присутствие может помочь разрядить обстановку. В конце концов, мы когда-то дружили...

Немного подумав, я решила, что это и правда может упростить дело.

– Собирайтесь, я подожду вас в машине. – И чтобы избежать отвлеченных разговоров, я покинула мастерскую Гончарова.

Наша поездка заняла больше времени, чем я рассчитывала. Почему-то мне казалось, что все представители богемы, вроде выпускников художественных училищ, должны жить в центральных районах города. Но знакомый Гончарова обитал на окраине, в стандартном каменном «мешке», то есть, в обычном девятиэтажном доме.

– Не слишком «артистическое» место, – пробормотала я, когда мы проезжали мимо унылой череды гаражей и бетонных стен.

– Это как посмотреть, – с удовольствием поддержал разговор Михаил. – Вот там, видите, вполне подходящий вид!

Я взглянула в предложенном направлении и увидела стену дома, разрисованную разноцветными «граффити».

Хозяина нужной нам квартиры не оказалось дома, но вездесущие старушки тут же нам сообщили, что обычно он появляется на час позже. Я решила дожидаться его на лавочке у дома. Погода стояла приятная, и, пока я не выясню что-нибудь, нет смысла отправляться куда-либо еще.

Просидеть целый час на лавочке рядом с Гончаровым оказалось непросто. Он болтал не переставая. И даже когда я намекала ему, что хотела бы подумать в тишине, это почти не

помогало. В конце концов, мне удалось как-то отключиться от него и погрузиться в размышления, но тут произошло нечто неожиданное.

– Палыч! Ты, что ли?! Ну, ты и растолстел, старый черт!

Эта короткая речь моего спутника, произнесенная им на повышенных тонах, заставила меня быстро оглядеться. Я не сразу сообразила, что человек, к которому эта тирада относилась, в этот момент попытался скрыться в подъезде.

Помешало ему именно то, что он и правда широковат в талии и не смог быстро протиснуться в прикрытую дверь подъезда. Мы с Михаилом быстро подскочили к нему с обеих сторон.

– Кто вы такие?! Что вам от меня нужно?! – слабо отбиваясь пухлой рукой, запричитал старый знакомый Гончарова.

– Ты что, Палыч?! Совсем меня не помнишь? – изумился Михаил. – А мне казалось, что я мало изменился за последнее время... Это же я – Миша Гончаров! Вспоминаешь?

– Миша? – как-то робко переспросил Палыч и перестал трепыхаться. – Ты что здесь делаешь, и кто это с тобой?

– Это очень долгая история, Палыч! – закатил глаза Гончаров. – Ее нужно в доме рассказывать, сидя за чашечкой чаю... Понимаешь?

– Да что уж тут непонятного, – буркнул тот. – Сначала напугают, а потом в гости приглашаются...

– А почему это ты так дергаешься, кстати? На дворе белый день, а ты от девушки шарахнулся, как от бандита с кистенем.

– Есть причины, – хмуро ответил Палыч. – Только я о них тебе на пороге тоже рассказывать не стану. Пошли!

Вся наша компания гурьбой поднялась по лестнице (лифт не работал), и Палыч, пыхтя и отдуваясь, принялся открывать дверь. Квартира старого приятеля Михаила была самой обыкновенной. Ничего, указывающего на то, что ее хозяин – профессиональный художник, я не заметила. Ни мольберта, ни красок с кистями, ни картин на стенах или же каких-либо предметов искусства. Вот тебе и на! Чем же, интересно, этот Палыч на жизнь зарабатывает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.